

Материалы научной конферен-
ции, посвященной 175-летию
со дня рождения академика
К. Э. М. БЭРА
Тарту, 3-4 марта 1967

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОБЩЕСТВО ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИ АН ЭССР

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 175-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА К.-Э. М. БЭРА

Тарту, 3-4 марта 1967

Тарту 1967

KUSTUTATUD

Arh.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

898

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Уликооли, 18

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ
175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА
К.-Э.И. БЭРА

3 - 4 марта 1967 г.
На русском языке

Ответственный редактор П.Э. Аренд
Корректор К.Л. Алликмист

Ротапринт ТГУ 1967. Печ. л. 2,06 (условных 1,97).
Учетн.-издат. л. 1,80. Тираж 300 экз. Бумага 30x42. 1/4.
Сдано в печать 20 II/1967 г. МВ - 00626. Заказ № 92.
Цена 5 коп.

П Е Р В О Е З А С Е Д А Н И Е

К.-Э.М. БЭР КАК ВРАЧ И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

К.Пыльдвере (Тарту)

Несмотря на увлечение естествознанием, молодой Бэр поступил на медицинский факультет по экономическим соображениям. Медицинское образование того времени было эклектичным, естественные науки не были органически связаны с патологией и лечебным искусством. Однако дисциплины, касающиеся непосредственно биологии организма, наиболее сильно были представлены именно на медицинском факультете. Так как догматичный эмпиризм практической медицины Бэра не удовлетворял, он по первой возможности обращался к естествознанию.

На формирование Бэра как ученого наибольшее влияние оказал Сваммердам, которого Бэр считал основоположником учения о развитии, и Игнац Деллингер, посвятивший Бэра в сравнительную анатомию.

В университетской жизни Бэр отстаивал наглядность в преподавании, самостоятельную практическую работу, развитие критического мышления и привлечение студентов к научной работе. Бэр являлся также отличным организатором научных обществ и выдающимся популяризатором.

Высшей целью естествоиспытания Бэр считал раскрытие конечной причины всех вещей. Эта цель достигается познанием природы по частям. Пути познания, по Бэру, являются наблюдение и созерцание. Философия должна всегда опираться на твердую основу специальных исследований. Бэр как один из основоположников исторического метода в биологии утверждал, что история развития является настоящим светильником при исследовании органических тел. Образцом процесса развития для Бэра было эмбриональное развитие организма от зачатка до

конечной цели — взрослого. Принцип цели являлся основой телеологии Бэра, который противопоставлял целеустремленность (*Zielstreibigkeit*) целесообразности (*Zweckmäßigkeit*), отрицая последнюю как нечто произвольное и утилитарное. Не только весь органический мир, а даже вся Земля находится в вечном движении к этой цели, в вечном становлении. Так как, по Бэру, в этом движении нет места случайностям, он считал неприемлемой теорию естественного отбора Дарвина.

Бэровское учение о типах также основывается на индивидуальном развитии организмов. В пределах типов Бэр был убежденным сторонником трансмутации, которая вызывается внутренними причинами и является всегда целевым, ограниченным и скачкообразным переходом от менее специализированной формы к более специализированной.

В связи с выяснением внутренних причин развития, многие взгляды Бэра снова приобретают значение.

Свой принцип развития Бэр пытался применять также к человеку и к человечеству. В этом отношении следует отметить интересы Бэра к антропологии в широком смысле слова.

Основной целью своей жизни Бэр считал познание главных типов развития и, кроме этого, главных групп органического или животного мира. Эта работа осталась Бэром незаконченной. Но тем не менее, используя слова Бэра (об А. Гумбольдте), каждая тропа, которую он открыл, стала широкой военной дорогой научного исследования, так как каждая из этих троп была направлена в ту сторону, откуда приходит свет.

ЗАКОН БЭРА (ЗАКОН ЗАРОДЫШЕВОГО СХОДСТВА) В СВЕТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ЭМБРИОЛОГИИ.

Б.П. Токин (Ленинград)

В докладе рассматриваются следующие вопросы:

1. Причины скептического отношения К.-Э.М. Бэра как эмбриолога к гипотезе Меккеля (1811) и ко всем идеям будущего "основного биогенетического закона" Дарвина-Мюллера-Геккеля (1859; 1866-1874).

2. Ч.Дарвин видел в явлениях "зародышевого сходства" наиболее удивительные факты "всей естественной истории" и не усматривал противоречия между законом Бэра и основными идеями будущего "Основного биогенетического закона", одним из создателей которого он был.

Среди современных эмбриологов нет единого понимания закона Бэра и единого отношения к нему.

3. Отношение А.Н.Северцова - основателя теории филэмбриогенеза к закону Бэра.

4. Принцип Бэра - "то, что является общим для большой группы животных, образуется в зародыше раньше, чем более частное", - не противоречит данным современной эмбриологии. По существу правильно утверждение Бэра о том, что эмбрион позвоночных есть с самого начала позвоночное животное и что лишь впоследствии проявляются признаки вида и индивидуальные признаки данного животного. У всех хордовых сначала формируются общие, всем свойственные признаки - развиваются хорда, нервная трубка, мускульные сегменты.

5. Анализ закона Бэра и определение отношения к нему должны быть связаны с оценкой идей Бэра о "типах организации" животных и сформулированных им мыслей о явлениях параллелизма в живой природе, а также с оценкой его отношения к до-Бэ-

ровским преформистским и эпигенетическим представлениям.

6. "... сходство, которое встречается между эмбриональными стадиями отдельных животных, представляется мне необходимым... оно уже потому не может отсутствовать, что эмбрионы существуют не вне пределов животного царства, и те изменения, которые свойственны животному организму, определяются для каждой формы внутренней связью и взаимодействием между отдельными органами, почему в отдельных случаях повторения неизбежны". Эти и иные мысли, родственные возникшим в XIX веке теориям "параллелизма" представляют большой, и не только исторический, интерес для эмбриологии.

7. Современной эмбриологией не оценены должным образом очень важные мысли Бэра о "типах" и "степенях" развития. Тип, по Бэру, это "характер расположения органических элементов и органов"... "Тип есть способ расположения частей". "...Один и тот же тип может охватывать разные ступени развития и, наоборот, та же самая ступень развития может быть достигнута в различных типах"... "Все единичное вначале содержится в общем"... "Из гомогенного общего постепенно возникает гетерогенное частное".

Анализ этих тезисов Бэра.

8. Неверные антиэволюционные представления Бэра о четырех типах животного мира как замкнутых группировках представляют, однако, большой интерес для современных эмбриологов и эволюционистов. Вопросы о разных способах дробления, формирования бластулы, об особенностях процессов гастрюляции и образования зародышевых пластов и т.п. перекликаются с мыслями Бэра о "типах" развития и о явлениях параллелизма.

9. Несмотря на то, что Бэр не был последовательным эволюционистом и несмотря на явную идеалистичность его высказываний о том, что "сущность возникающей животной формы управляет развитием плода", - представления Бэра об онтоге-

незе и его закон зародышевого сходства имеют для современной эмбриологии большое значение.

Ю. Закон Бэра сформулирован в доклеточный, догенетический, "докаузально-аналитический" период развития эмбриологии.

В конечном счете, все явления развития организма имеют основу в генотипе; гены "контролируют" развитие. С точки зрения современной эмбриологии и генетики, нет оснований думать о возможности "анаболий" и "девиаций" без изменений в исходных половых клетках. Легко доступны критике и закон Бэра, и биогенетический закон Дарвина-Мюллера-Геккеля, и теория филэмбриогенезов А.Н.Северцова.

Следует ждать на основе прогресса биологии рождения нового биогенетического закона, ибо идея взаимосвязи эволюционного развития и закономерностей индивидуального развития непоколебима и бессмертна.

О ТЕОРИИ ТИПОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БИОЛОГИИ

К.Л.Паавер (Тарту)

Теория типов была одной из выдающихся достижений в зоологии первых десятилетий 19 века. Ее возникновение связано с развитием сравнительной анатомии, эмбриологии и систематики и обобщением накопившегося эмпирического материала в работах К.-Э.М. Бэра, Ж. Кювье и Ж. Сент-Илера. Учение о разделенности животного мира на четыре типа, которые различаются между собой по плану строения и индивидуальному развитию, вытесняло доминировавшую в 18 веке идею о "лестнице существ" и связанную с ней "теорию параллелизма", защищаемую натуралистами-философами.

Теория типов не исходила из идеи развития органического-

го мира и в виду этого не могла дать достаточно объективного представления о взаимоотношениях онтогенеза и филогенеза. (К.-Э.М. Бэр, признавая развитие в пределах типов, отрицал, однако, генетические связи между типами). При появлении работ Дарвина эта теория в ее конкретной форме потеряла значение. В наши дни она заслуживает внимание не только из-за положительной роли в истории биологии, но в первую очередь благодаря включенным в нее некоторым идеям, далеко не пережитым и в век господства эволюционного учения.

Для современной биологии в теории типов представляет интерес в первую очередь к организму как целостной системе с закономерным и устойчивым сочетанием признаков. К.-Э.М. Бэр называл типом способ связи органических частей между собой. Принцип же корреляции органов Ж.Кювье и успешное применение им этого принципа для реставрации облика вымерших позвоночных животных по фрагментарным костным остаткам общеизвестно.

Теория типов оказалась при применении принципа корреляций исторически ограниченной, что выразилось особенно в абсолютизировании устойчивости коррелятивных связей, а также в непонимании причин и механизмов их возникновения. Преодоление антиисторизма в биологии возможно только исходя из дарвинистской эволюционной теории. Р.Л. Берг (1966), трактуя проблему целостности биологических систем, считает, что "... Дарвин первый стал на путь синтеза теории типов и эволюционной идеи".

Опираясь на эволюционную теорию, в последние десятилетия изучены разнообразные корреляции на различных уровнях органического мира и выяснено их значение в качестве канала стабилизирующего фактора эволюции, а также относительность принципа корреляций. Советскими исследователями показана обособленность подхода к организму как системе, в которой отношение коррелятивно связанных и независимых признаков (стабилизированных структур и процессов) зафиксировано отбором и является оптимальным. На основе теории стабилизирующего от-

бора И.И. Шмальгаузена разрабатывается теория корреляционных плеяд (комплексов коррелированных признаков), охватывающая все уровни биологической организации.

ЗНАЧЕНИЕ ОСОБНОСТЕЙ РОСТА И РАЗВИТИЯ ЛИЧИНОК РЫБ
ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕРЕСТОВЫХ СТАД И НЕРЕСТИЛИЩ
(ПРОМЫСЛОВЫХ РЫБ)

А.Ф. Коблицкая (Астрахань)

"Зародыши рыбы и самые яички икры весьма взыскательны к местности, ее химическому составу и даже температуре воды, какие им предназначены природой"

(К. БЭР, 1854).

Личинки рыб на ранних этапах развития, их качественный состав, численность, соотношение отдельных этапов развития в разных зонах нерестового ареала отражают состояние динамики воспроизводства данного вида и дают возможность судить о характере нереста и качестве нерестилищ, а также позволяют определить оптимальные экологические условия для воспроизводства данного вида.

В дельте Волги ежегодно происходит массовый нерест многих видов рыб, в том числе и ценных промысловых: воблы, леца, судака и сазана, относящихся к группе полупроходных. Каждый из этих видов, в соответствии с особенностями своей экологии, приспосабливается к характеру природных условий отдельных зон и ландшафтов дельты и дает наиболее высокую численность личинок в центральной части ареала в местах, где создаются наилучшие условия для икрометания и нагула молоди.

Для рыб с ранним и коротким периодом икрометания (вобла, судак), для которых необходима низкая температура и хорошая проточность, нерестилища расположены в верхней зоне дельты и нижней части Волго-Ахтубинской поймы — там, куда волна половодья доходит быстрее.

Для тех видов, у которых нерест наступает позднее и период икрометания растянут (лещ, сазан), а для успешного икрометания нужен длительный покойный период и более высокая температура, чем для первой группы, наилучшие нерестилища расположены преимущественно в низовьях дельты — там, где половодье наиболее продолжительное.

Начало нереста для всех перечисленных видов во всех зонах наблюдается примерно в одно и то же время. Однако общая продолжительность нерестового периода и продолжительность массового нереста одних и тех же видов увеличивается в районах с растянутым периодом половодья.

На нерестилищах, где наблюдается хороший рост личинок рыб на отдельных этапах развития и происходит наиболее быстрый переход от одного этапа развития на другой, и молодь быстрее достигает покатного этапа. Если такие благоприятные условия развития молоди на нерестилищах встречаются в разных зонах или районах дельты, это способствует образованию локальных стад.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К.-Э.М.БЭРА КАК ИХТИОЛОГА

Ю.В. Ристкок (Тарту)

Изучением рыб и других водных животных К.-Э.М.Бэр начал заниматься еще в Кенигсберге в 1817 — 1834 гг. В Кенигсбергском университете он читал курс ихтиологии. В 1851 году Бэр почти совершенно перешел к изучению вопросов, связанных с рыбным хозяйством.

В 1851-1852 гг. Бэр организовал несколько экспедиций для выяснения причин уменьшения лова рыбы в Псковско-Чудском озере и в прибрежных участках Балтийского моря, а также с целью проведения опытов пересадки некоторых видов рыб в Псковско-Чудское озеро. Результаты этих исследований содержатся в I томе серии "Исследования и состояние рыболовства в России" (1860), написанном Бэром.

В 1853-1857 гг. Бэр многосторонне исследовал Каспийское море и многие впадающие в него реки. Результаты работ Каспийской экспедиции опубликованы в 11-У томах этой же серии "Исследований...." Из них II том - "Рыболовство в Каспийском море и его притоках" (1860) - почти целиком составлен самим Бэром.

В 1860-1863 гг. Бэр провел дополнительные наблюдения на Чудском озере и на Волге, а также исследовал Азовское море. Он написал еще 8 очерков по исследованию Каспия и ряд других статей.

Главными причинами уменьшения рыбных запасов в Псковско-Чудском озере Бэр считал лов рыбы медкоячейными орудиями и вылов молоди рыб, препятствия, мешающие рыбам попасть на нерестилища, и чрезмерно интенсивный лов. Для лучшего устройства Псковско-Чудского рыболовства им были выработаны "Правила об ограничении лова рыб на Псковском и Чудском озерах", которые были утверждены царем 29 ноября 1859 года. Эти правила являются первым законом рыбоохраны на территории Эстонии. Принципы Бэра действительно и в нынешних правилах рыбоохраны.

В отношении Балтийского моря Бэр пришел к выводу, что здесь запасы главнейших промысловых рыб пока удовлетворительны, а колебания их уловов, главным образом, метеорологическими условиями. Все же запасы лосося уменьшились вследствие заграждения в реках миграционных путей рыб.

В Каспийском бассейне прежде всего уменьшилась численность таких рыб, которые для нереста поднимаются далеко в реки. Причинами такого уменьшения Бэр считал массовый вы-

лов мигрирующих рыб и преграждение подхода их к нерестилищам в низовьях рек, вылов неполовозрелых рыб и обмеление устьев рек, впадающих в Каспий. Здесь он нашел и другие недостатки в рыболовстве, касающиеся обработки и использования рыб. Бэр составил предложения для лучшего устройства и Каспийского рыболовства, но большинство из них в то время не были внедрены царским правительством.

Среди остальных ихтиологических трудов Бэра заслуживает особое внимание его исторический очерк российского рыболовства (1854).

Рыбохозяйственные исследования Бэра, намного превышающие уровень своего времени, принесли огромную практическую пользу как в отношении охраны рыбных богатств, так и в рационализации рыбного хозяйства. Высоко оценивается и их научно-теоретическое значение. Бэр первым в России определил главные факторы, от которых зависит колебание численности рыб в водоемах. Он прекрасно понял основные закономерности образования биологической и рыбной продуктивности водоемов, намного раньше возникновения гидробиологической науки. Бэр первым пришел к выводу, что разрешение практической задачи рационализации рыбного хозяйства возможно только путем комплексного рыбохозяйственного исследования водоемов.

Бэра следует считать одним из основателей ихтиологии в России, на работах которого базируются дальнейшие различные рыбохозяйственно-биологические исследования в России и Советском Союзе.

БЭР И ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРА

В.М.Пасецкий (Ленинград)

Большое внимание, которое уделял К.-Э.М.Бэр познанию Севера, является одним из самых блестящих звеньев в том вкладе, который внесли ученые и путешественники, связанные с Эстонией, в изучение полярных областей планеты. Эстонии

принадлежат трое Крузенштернов, Коцебу, Эшшольц, Беллинсгаузен, Врангель, Шренк, Миддендорф, Гревинчк, Гофман, Бунге, Шмидт и Толль, которые оставили навечно памятный след в исследовании Севера.

Впервые интерес Бэра к изучению Севера обнаруживается в 1819 году, когда он обращается с просьбой к Крузенштерну помочь ему стать участником одной из полярных экспедиций, желательной в районы Белого моря и Новой Земли. Только через 18 лет, после того как Бэр перешел на службу в Российскую Академию Наук, ему удалось осуществить свою мечту. В 1837 году он, наконец, предпринял экспедицию на Новую Землю. За шесть недель пребывания на этом далеком острове Бэру удалось собрать и исследовать 135 видов растений. Ученый одновременно дал научное описание млекопитающих, птиц, рыб и низших животных, обитающих в водах и на берегах Новой Земли.

Академия наук выразила Бэру "усердную признательность за столь успешное выполнение возложенного на него важного и многотрудного поручения".

Спустя три года, Бэру удалось убедить Академию наук организовать экспедицию к берегам Русской Лапландии, а если позволят обстоятельства, то и к Новой Земле. Себе в спутники он пригласил недавно окончившего Тартуский университет натуралиста А.Ф.Миддендорфа. Из этого путешествия Бэр привез богатые зоологические, ботанические и минералогические коллекции, которые были отправлены в Академию. Его спутнику Александру Миддендорфу во время перехода по Лапландии удалось установить, что река Кола неверно нанесена на существующих картах.

В 1838 году Бэр представил в Академию наук проект исследования Таймыра, где после Семена Челюскина и Харитона Лаптева, на протяжении целого столетия, не бывал ни один натуралист. В течение трех лет ученый с упорством, достойным восхищения, добивался осуществления своего проекта и претворял его в жизнь.

Бэр ставил перед экспедицией, руководителем которой

был назначен его товарищ по Кольскому путешествию Александр Миддендорф, две трудные и, казалось, малосовместимые при тогдашних средствах передвижения задачи. Во-первых, путевые шестовники должны были исследовать вечную мерзлоту в колодце, который был вырыт в Якутске купцом Шергиным на глубину 116 метров в мерзлом грунте. Во-вторых, им предстояло изучить животный и растительный мир на севере Сибири между реками Хатангой и Пясиной.

Сибирское путешествие завершилось с блестящим успехом. Миддендорф доставил науке не только первые разносторонние сведения о природе Таймыра, о вечной мерзлоте, но и исследовал значительные пространства Сибири и Дальнего Востока. Бэр мог гордиться своим младшим товарищем и мог с полным основанием сказать Академии, что Сибирское путешествие представляет собой "выдающееся достижение не только потому, что руководителю его пришлось употребить немало ловкости, терпения и решимости в преодолении предвиденных и непредвиденных затруднений". Миддендорф "в достижении ученых результатов превзошел все ожидания" и "оправдал надежды, которые Академия наук возлагала на его способности, поручая ему начальство над этим ученым предприятием".

Бэр от имени Академии наук дал блестящую оценку научным исследованиям Александра Миддендорфа.

К.-Э.М.Бэру принадлежит проект полярной экспедиции к Северному полюсу, главную цель которой он видел не в достижении заветной точки, а в получении широких достоверных сведений о природе еще неизвестной в те времена человеку Центральной Арктики.

На склоне своих лет он призывал к организации научных исследований в Прианском крае и на Новосибирских островах. Эту мечту великого ученого осуществили воспитанники Тартуского университета Александр Бунге и Эдуард Толль.

К.-Э.М.Бэр оставил сотни научных трудов. Многие тома его посвящены вопросам познания природы Севера. Они не поблекли и не выцвели. Его гениальная мысль останется живой и интересной для человечества многие века...

О ДВУХ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С

ИМЕНЕМ АКАДЕМИКА К.-Э.М. БЭРА

Э.А.Ханг (Тарту)

Имя К.-Э.М.Бэра увековечено в геоморфологии в связи с двумя проблемами, которыми он занимался. Это проблема причин асимметрии поперечного профиля речных долин и проблема возникновения гряд, встречающихся на Прикаспийской низменности, т.н. бэровских бугров. Первая проблема имеет широкое, всемирное значение и относится к сфере общей геоморфологии. Вторая проблема имеет более узкий, региональный характер. Материал для изучения этих проблем был собран К.-Э.М.Бэром во время его Каспийской экспедиции (1853-1857), которая кроме Каспийского моря охватила также реку Волгу и различные районы, окружающие Каспийское море.

х

Асимметрия речных долин, которая выражается в том, что один склон долины высокий и крутой, а другой - низкий, пологий и террасированный, представляет собой весьма распространенное и характерное явление в равнинных условиях Европейской части СССР и Сибири. Крутым склоном преобладающего большинства долин является правый склон. Приоритет исследования асимметрии поперечного профиля речных долин принадлежит русским ученым. Асимметрию поперечного профиля как характерную черту Российских речных долин отметил еще М.В.Ломоносов в 1763 г. Это явление описывают также участники т.н. академических экспедиций во второй половине XVIII века. В качестве пионера по изучению этой проблемы среди зарубежных ученых можно назвать француза де-Ламбларди, который в 1789г. обратил внимание на асимметрию речных долин Нормандии, перпендикулярных к направлению влажных ветров.

Уже в 1827 г. П.А.Словцев выразил мнение, что асиммет-

асимметрии некоторых долин сибирских рек можно считать влияние вращения Земли вокруг своей оси. В 1856 г. и особенно в 1857 г. К.-Э.М.Бэр подробно развил представление о влиянии вращения Земли как причине асимметрии поперечного профиля речных долин и предложил более совершенное объяснение асимметрии склонов речных долин. Объяснение это вошло в литературу под названием закона Бэра. Согласно этому закону, водные массы реки отклоняются от своего первоначального направления на северном полушарии направо, а на южном полушарии налево, в результате чего соответствующие склоны долин подвергаются в более сильной мере эрозии и принимают обрывистую форму. Закон основан на общеизвестном правиле Кориолиса. К.-Э.М.Бэр сам считал, что его закон применим только для тех рек, которые текут в меридиальном направлении. Французский физик Бабине доказал в 1859 г., что эта закономерность оказывает влияние при любом направлении русла реки. С учетом этого общего условия закон именуется также законом Бэра-Бабине.

Объяснение явления, предложенное К.-Э.М.Бэром, в то время, когда детальные региональные геологические и геоморфологические исследования выполнялись еще чрезвычайно редко, приобрело, благодаря своей универсальности, всеобщее признание. Однако эта универсальность явилась в дальнейшем также слабым звеном концепции К.-Э.М.Бэра. С развитием региональных исследований накапливалось все больше данных о долинах, характер склонов которых противоречит закону Бэра. Возникло множество различных теорий, хорошо аргументированных данными местных исследований. Они не только ставили под сомнение закон Бэра, но нередко прямо отрицали его. В последнее время советские исследователи (С.С.Воскресенский, И.В.Шанцер, К.И.Геренчук и др.), которыми опубликованы работы по вопросам асимметрии речных долин, пришли к заключению, что несмотря на различные причины локальных отклонений (вызываемых, в основном, геологическим строением местности и тектоническими движениями), в образовании асимметрии долин Русской равнины преобладает какая-то общая сила и этой силой

может быть только ускорение Кориолиса. На основе этого необходимо признать, что закон Бэра остается неизблемым обобщением геоморфологической науки.

х

Распространенные в южной части Прикаспийской низменности своеобразные с геоморфологической точки зрения бэровские бугры, представляющие собой как бы чужие на фоне окружающей равнины формы рельефа, привлекали внимание многих исследователей. К.-Э.М. Бэр был первым, подробно описавшим их. Согласно его мнению, эти формы рельефа образовались в весьма недалеком прошлом при чрезвычайно быстром понижении уровня Каспийского моря, когда воды Каспия протекали в направлении Черного моря. Позднее по вопросу о возникновении этих гряд было опубликовано множество различных мнений: их считали древними береговыми валами, эоловыми аккумулятивными формами, образованиями тектонического происхождения и т.д. Наиболее вероятно, что они возникли под влиянием нескольких различных геологических факторов. Их изучение уже дало и даст еще много ценных материалов для выяснения четвертичного развития Каспийского моря и познания его современных природных особенностей, т.е. углубления исследований, среди которых большим вкладом является Каспийская экспедиция Бэра.

В Т О Р О Е З А С Е Д А Н И Е

ОБ ОТНОШЕНИЯХ БЭРА К ПУРКИНЕ (неопубликованные архивные материалы)

В.П.Михайлов (Ленинград)

Два крупнейших естествоиспытателя первой половины XIXв. Карл Бэр и Ян Пуркине много лет работали в одном направлении и были знакомы друг с другом. По представлению Бэра 30/XI 1836 г. Пуркине был избран членом-корреспондентом петербургской Академии наук. Приятно считать, что личных общений между ними не было (M. Novikov, 1928). В связи с этим особый интерес представляет отзыв Бэра о работах Пуркине, хранящийся в архиве АН СССР, и недавно обнаруженные в архиве Войты Напрстека (Прага) два письма Бэра к Пуркине. Копии их любезно прислал мне проф. В.Крута (Брно) до их опубликования в Чехословакии.

Первое письмо Бэра написано из Петербурга 16/28 сентября 1844 г. незадолго до его первой поездки на Адриатическое море. Как известно, основной целью своего путешествия Бэр ставил изучение "гистологии, соединенной с химико-микроскопическими исследованиями", то есть гистологии с гистохимией (Архив АН СССР, ф. I, опись 2, №15). "Высокоцитимый господин профессор, - писал Бэр (письмо дается сокращенно в переводе с немецкого). - Вы, может быть, будете поражены, когда, получив послание, увидите подпись одного пропавшего и во всяком случае забытого... Я очень жажду получить, чем раньше, тем лучше, диссертацию Розенталя *de structure granulosa*... Пожалуйста, подумайте при этом о нашем оторванном положении и о том, как часто мы из-за этого чувствуем себя подавленно... Если Ваш *hottor scribendi* не слишком велик, Вы меня очень обрадовали бы сообщением, мог бы я найти Вас следующей весной или летом в Бреслау. Я считаю, что было бы хорошо, если

я еще раз послал бы себя в школу, особенно в отношении гистологических исследований, и тут я очень хотел бы договориться пробить у Вас 4 недели учеником. Если я только смогу узнать, в какое время я Вас найду, я мог бы соответственно этому устроить свою поездку..."

Пуркине, как это следует из содержания второго письма Бэра, дал свое согласие на его работу в бреславльском физиологическом институте. Вместе с тем он послал ему для передачи в Академию наук ряд диссертаций своих учеников. 10/22 января 1845 г. Бэр на заседании физико-математического отделения Академии передал эти диссертации вместе со своей объяснительной запиской. "Наш корреспондент господин профессор Пуркине, - писал Бэр, - поручил мне передать Академии некоторые диссертации, вышедшие под его руководством. Известно, что в бреславльском физиологическом институте, первом носящем это наименование, за которым появились многие другие в различных университетах Германии, со времени его основания проводились кроме физиологических исследований, исключительно содержательные и достоверные наблюдения по гистологии; результаты этих исследований только частично были опубликованы под именем Пуркине, частично же под именем его учеников, в форме диссертаций, некоторые из которых приобрели значительно больший научный авторитет, чем сочинения этого рода, появившиеся в начале его научного пути. Бэр "(Архив АН СССР, ф. I, оп. 2, № 13, перевод с немецкого).

Второе письмо к Пуркине Бэр послал в конце своей поездки из Триеста 6/ХП 1845 г. В этом письме Бэр сообщает Пуркине, что он послал ему чемодан и несколько пакетов, которые предполагает взять на обратном пути в Петербург. Далее Бэр пишет, что план его с кратковременным пребыванием в Италии и продолжительном в Бреслау и Берлине изменился. "Я занялся одним исследованием, которое меня чрезвычайно связало (речь идет об его успешных опытах с оплодотворением яиц морских животных - В.М.), так что теперь я должен сломя голову ехать домой. Из более продолжительного пребывания в Бреслау - где я надеялся так много от Вас получить - ничего

не выходит... Если бы Вы услышали, что я делал в Триесте, Вы бы поняли, как я мог так запоздать. И когда я имел уже в кармане свой почтовый билет, черт принес еще на свет семи - ногого телянка. Поэтому я еду еще этой ночью в *Caro d'Istria* чтобы увидеть, можно ли что-нибудь из этого телянка извлечь. .." (выдержки из письма в переводе с немецкого).

Бэр справедливо считал, что физиологический институт, созданный Пуркине в 1839 г. расширяет возможности для проведения глубоких научных исследований. Будучи избранным в 1841 профессором сравнительной анатомии и физиологии в Петербургскую медико-хирургическую академию, он сам безуспешно потратил много времени на попытку организации при кафедре "Института экспериментальной физиологии", в котором можно было бы проводить как физиологические опыты, так и гистологические исследования (Е.Н. Павловский, 1948). Неудивительно, что он рекомендовал в Казань на замещение кафедры физиологии Ф.В. Овсянникова, гистолога, имеющего известный опыт в физиологических исследованиях (ЦГИАЛ, ф. 733, оп., 47, д. 192, лл 9, 10). И, несомненно, по совету Бэра, молодой Овсянников, ознакомившись с организацией физиологических институтов в ряде городов Германии, по их образцу создал в 1861 году физиологический кабинет при Казанском университете (В.И. Михайлов, 1964). По образцу институтов Пуркине создана была им несколько позднее и кафедра физиологии Петербургского университета. Идеальным же пропагандистом организации подобных учреждений в России был Карл Бэр.

ИНТЕРЕСЫ И ТРУДЫ К.-Э.М. БЭРА В ОБЛАСТИ
БОТАНИКИ

Х.Х. Трасс (Тарту)

К.-Э.М. Бэр был удивительно разносторонним ученым, энциклопедистом естественных наук прошлого столетия, которого интересовали как общие теоретические проблемы биологии, так и вопросы многих частных наук. Кроме того, как известно, он

живо интересовался гуманитарными науками, этнографией, археологией, языкознанием и пр.

Ботаника является в жизни и творчестве К.-Э.М. Бэра наукой, "из чего все началось". В "Автобиографии" (1950) на страницах 71-74 он описывает, как он стал страстным коллекционером растений. В 1804 г. "...я застал однажды Гланстрема с книгой в одной руке и с растениями в другой Я спросил его, что он делает, и получил ответ, что он отыскивает названия этих растений. Я никак не мог понять, каким образом можно узнать из книги название только что сорванных растений, и он объяснил мне, в чем дело ... Таким образом, я вместе с моим старшим братом начал прилежно заниматься ботаникой без всякого руководителя, так как обнаружилось, что наш учитель тоже был начинающим в этом деле". Скоро Бэр составил гербарий флоры окрестностей Пийбе. Ботанические интересы не покинули его и в дальнейшем, когда он совершил свои экспедиции на Кольский полуостров, Новую Землю, на Каспий и т.д. В течение жизни он собрал и определил несколько новых для науки видов (например, *Sauresurea esthonica* Ваег), интересовался вопросами границ распространения древесных пород, фармацевтической ботаники и пр.

Специальных работ по ботанике К.-Э.М. Бэр написал мало (см. все же, Ваег, 1821 - "Флора Замланда", 1838 - "О растительности и климате Новой Земли", 1856 - предисловие к работе А.Боде "О границах распространения древесных пород в Европейской России", 1856^a - "О безлестности южно-русских степей", 1859, 1860 - "О финиковой пальме на берегах Каспия; он также составил несколько биографических очерков о ботаниках: Эйзенгардт (1825), Гумбольдт (1859^a, 1869) и др.

Особенно следует подчеркнуть работу Бэра о растительности (и климате) Новой Земли. В ней мы находим элементы геоботанического подхода к изучению растительного покрова. К этому времени геоботаника как самостоятельная наука еще не оформилась, появились только единичные работы (на западе Гумбольта, Хэра и др., в России Тэецмана), в которых растительный покров отдельных областей рассматривается не только как статистическое скопление видов, но и как динамическая

совокупность растительных сообществ (формаций—в те времена).

В своей работе Бэр дает общее описание растительного покрова Новой Земли и описывает его динамику. В процессе за-растания скал он выделяет ряд стадий: 1) стадия корковых лишайников на голых скалах, 2) смешанные группировки из лишайников и высших растений на выветрившихся поверхностях скал, 3) пятнистая моховая тундра на глинистых выветрившихся скалах. В его работе можно заметить стремление выделить различные единицы растительности. Например, он пишет о двух вариантах растительности луговин.

БИБЛИОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА К.-Э.М. БЭРА

А.И.Копанев (Ленинград)

Одной из важных сторон научно-организационной деятельности академика Бэра является его библиотечная деятельность. Будучи в течение 27 лет (с 1835 по 1862 гг.) одним из руководителей Академической библиотеки, Бэр осуществил почти полную перестройку ее внутренней жизни и в немалой степени способствовал организации библиотечного обслуживания ученых русской Академии в тот период, когда она, по словам В.И.Вернадского, — "стояла в первых рядах... в мировой научной организации по силе, глубине, размаху и интенсивности своих научных достижений".

Ко времени вступления Бэра на должность библиотекаря в Академии наук встал вопрос о взаимоотношениях Главной библиотеки со специальными библиотеками при научных учреждениях Академии: при обсерваториях, музеях, кабинетах, лабораториях. На практике образование специальных библиотек приводило к ослаблению Главной библиотеки, так как рассеивало ее тогда еще небольшой книжный фонд. Бэр решительно выступил против ослабления Главной библиотеки — "матери библиотеки", как он выражался, так как считал, что только Библиотека с универсальным фондом по всем разрабатываемым в Академии наукам могла удовлетворить запросы ученых. Бэр сформулировал основные принципы взаимоотношения Главной библиотеки со специ —

альными библиотеками, по которым последние должны комплектоваться только узко специальной, обязательно отражаемой в каталогах Главной библиотеки. Идея о единстве книжного фонда Академии, высказанная Бэром, лежит в основе развития сети специальных библиотек Академии наук вплоть до наших дней.

По инициативе Бэра вырабатываются правила пользования Библиотекой. Бэр был автором "Правил" 1836 г. и "Положения о порядке пользования Библиотекой имп. Академии наук" 1848г. Эти документы, определившие статут Библиотеки, общее направление и детали ее работы на долгие годы, открывали библиотеку для широкого круга читателей. Бэр считал, что задачей Библиотеки является не только обслуживание членов Академии, но и предоставление "литературных пособий" посторонним ученым в целях "содействия" распространению ученых занятий в Отечестве".

Бэр существенно усовершенствовал систему комплектования Библиотеки научной литературой. При нем расширяется сеть научных зарубежных учреждений, которые посылали свои издания по обмену, увеличивается покупка литературы, устанавливается действенный контроль за комплектованием Библиотеки со стороны академиков.

Настоящим подвигом Бэра было составление им систематического каталога II-го Иностранного отделения академической Библиотеки. Бэр разработал научную систему каталога, состоящую из 21 крупного отдела и почти из 800 соподчиненных разделов, рубрик и подрубрик. Суть Бэровской классификации книг заключается в том, что она исходит из системы знаний. Это является большим шагом вперед по сравнению с существовавшими тогда классификационными схемами Оленина, Рейса и других. По словам Е.И. Шамурина, в схеме Бэра "проявилась сила его творческого дарования, глубокая эрудиция и внутренний, им самим неосознанный, но достаточно ярко выраженный материализм". Научный характер системы Бэра, ее емкость и логичность обусловили длительную службу (вплоть до 20-х годов XX в.) в Библиотеке книжного каталога, составленного по его схеме.

Библиотечная деятельность Бэра является существенным фактом истории библиотечного дела в России.

К.-Э.М. БЭР И ЕГО ТРУД

"Об эндемических болезнях среди Эстонцев"

К.Г.Васильев (Одесса)

Жизнь и деятельность К.-Э.М. Бэра - выдающегося отечественного ученого-естествоиспытателя освещена уже в ряде специальных исследований. Однако до последнего времени не уделялось еще должного внимания медицинской деятельности Бэра как врача и воспитанника Тартуского университета, в то время как в автобиографии Бэра можно найти ряд указаний на связь его научных интересов с медицинским образованием и на влияние, которое оказал медицинский факультет Тарту (Дерпта) на формирование его как ученого. И хотя медицинская деятельность К.-Э.М. Бэра ограничена сравнительно небольшим периодом его жизни, тем не менее, с точки зрения анализа психологии творчества этого выдающегося ученого, она имеет бесспорный интерес. В связи с этим заслуживает внимание участие К.-Э.М. Бэра в борьбе с эпидемиями острозаразных болезней и его труд "*De morbis inter Esthonas endemicis*" (эндемические болезни среди эстонцев), Dorpat, 1814 г., защищенной им в качестве докторской диссертации.

Годы, проведенные К.-Э.М. Бэром в Тартуском (Дерпт - ском) университете, совпадают с годами Отечественной войны и связанными с нею огромными эпидемиями на территории Прибалтики. Отступающая армия Наполеона оставляла за собой массу больных, распространяя заразу среди населения тех губерний, где она проходила. Судя по сохранившимся описаниям, можно думать, что это был, главным образом, сыпной тиф. Эпидемии приняли столь угрожающий характер, что для борьбы с ними были мобилизованы студенты медицинского факультета Тарту. В составе группы из 25 студентов-медиков Бэр был отправлен для оказания помощи раненым и больным в г. Ригу. Все

лазареты города в это время были переполнены ранеными, "а еще больше тифозными больными". В своей автобиографии Бэр описывает страшно тяжелые условия работы в этих лазаретах и те опасности, которым подвергались работающие там медики. Из 25 человек приехавших студентов 23 переболело сыпным тифом и один умер. Переболел тифом и Бэр. Столь трагическое участие в борьбе с эпидемиями не могло не оказать влияния на формирование будущего врача и ученого. И весьма возможно оказало влияние на выбор темы его докторской диссертации, в которой разбираются вопросы с точки зрения медицинской науки того времени.

Работа Бэра состоит из пяти глав и начинается с физико-географического описания территории Эстонии и обычаев эстонцев, могущих влиять на распространение среди них эндемических болезней, к которым, кстати, относили тогда и большинство заразных болезней как зависящих от местных условий. Четвертая и пятая главы посвящены собственно медицинским наблюдениям автора. По своему характеру, труд К.-Э.М. Бэра близок к широко распространенным в начале XIX века медико-топографическим описаниям и в известной степени перекидывает мост между его медицинской деятельностью и будущими интересами как ученого-естествоиспытателя.

ВКЛАД К.-Э.М. БЭРА В ИЗУЧЕНИЕ ЭСТОНИИ В САНИТАРНОМ ОТНОШЕНИИ

В.В.Калнин (Тарту)

Докторская диссертация К.-Э.М. Бэра "Об эндемических болезнях среди эстонцев" (1814), написанная на латинском языке, содержит интересные данные о быте и здоровье крепостных крестьян, являясь ценным источником истории гигиены в Эстонии.

Диссертация основывается на личных наблюдениях Бэра

в клиниках Тартуского университета, в Рижском военном госпитале и во время ботанических экскурсий, а также на работах авторов, касавших в той или иной мере быта и здоровья эстонского населения, в том числе на работах П.Э.Вильде, С.Р.Винклера, И.Х.Петри, М.Э.Стикса и др.

В первой главе описывается физическая география (условия почвы, воздуха и пр.) Эстонии. Вторая глава - "Об обычаях эстонцев" - касается жилищ, одежды, пищи, напитков, физического развития, темперамента, ухода за телом, образа жизни. Бэр указывает на плохие жилища, на относительно одностороннюю растительную пищу, на тяжелые условия труда крестьян: они были вынуждены работать, несмотря на непогоду, сырость, дождь и мороз, в плохой одежде и обуви, при недостаточном питании. Он рисует мрачную картину физического развития и состояния здоровья крестьянских детей: "Почти все дети, особенно зимой, являются бледными и распухшими, имеют золотушный вид, отекающие веки, вздутый живот и тощие члены". Широко было распространено употребление водки, которая давалась "для укрепления" даже грудным детям. Несмотря на то, что Бэр не говорит о действительных причинах тяжелых условий жизни эстонских крестьян, приводимые им в диссертации данные действовали, несомненно, обличающе.

Возможным этиологическим моментам посвящена третья глава диссертации. В частности, Бэр первым обратил внимание на то, что в северо-восточной части Тарту - в низменной местности, затопляемой весной - многие болезни встречаются чаще, чем в возвышенных частях города. Это наблюдение было в дальнейшем подтверждено исследованиями других авторов. Бэр понимал важную роль среды в возникновении болезней, причем он ищет причины происхождения заболеваний не только в метеорологических условиях и свойствах почвы (т.е. в природных условиях), но и в социальной среде, в условиях существования крестьян. Бани у эстонцев Бэр считает с физиологической и профилактической точек зрения в общем полезными.

В четвертой главе Бэр описывает отдельные, чаще встречающиеся среди эстонцев болезни. В центре внимания стоят

болезни, имевшие эпидемический характер. Этиологию их Бэр, разумеется, объясняет на уровне науки того времени. По Бэру, чаще наблюдались различные лихорадки, ревматические заболевания, воспаления, скарлатина, корь, оспа, трахома, дизентерия, кожные и глистные заболевания, обморожения, язвы различного происхождения и др. Хотя Бэр не приводит статистических данных, его диссертация сыграла важную роль в изучении краевой патологии. Отрывки из нее с замечаниями К.Фр. Бурдаха были опубликованы в издаваемом последним, совместно с А.Крихтоном и И.Реманом, журнале "Русский сборник естествознания и врачебного искусства", выходящем на немецком языке в 1815-1817 гг. в Риге. Диссертация Бэра нашла отражение также в работах последующих исследователей, изучавших распространение отдельных болезней в Эстонии.

В последней главе Бэр приводит сведения о состоянии оказания медицинской помощи эстонцам. Он указывает на малочисленность врачей и почти полное отсутствие больниц на селе, на недостатки в деле оспопрививания. Он приводит интересные сведения о народной медицине. В заключение Бэр выдвигает ряд предложений по улучшению медико-санитарной обстановки: построение лучших жилищ, учреждение больниц и определение на должность обученных акушерок для крестьян, обеспечение больных крестьян приличным питанием и здоровым жилищем. Он высказывает положение, чтобы крестьяне могли бы чаще есть мясную пищу, особенно весной при сырой погоде.

Бэр приветствовал издание первого пособия по акушерству на эстонском языке ("Краткое наставление для крестьянских повивальных бабок Эстляндии", 1812), составленного инспектором врачебной управы Эстляндской губернии Ю.Вальтером, переведенного пастором О.Гольтцем и предусмотренного для акушерок, обучавшихся в 1809-1811 гг. в Таллинском повивальном институте. Бэр прекрасно владел эстонским языком и написал в 1814 г. на это пособие рецензию, которая была опубликована в вышеупомянутом "Русском сборнике" за 1816 г. Бэр описывает в рецензии также вредные обычаи, имевшие место в оказании помощи при родах и уходе за детьми (длительное кормле-

ние грудью и пр.), и считает, что подобные наставления должны больше учитывать местные условия и народные обычаи, должны содержать указания по правильному физическому воспитанию детей.

Бэр внес в начале XIX в. немалый вклад в изучение Эстонии в санитарном отношении. Диссертация Бэра относится к работам типа медико-топографических описаний, которые как метод изучения внешней среды и санитарной обстановки сыграли в начальном периоде становления отечественной санитарии и гигиены большую и важную роль. Диссертация Бэра является первым медико-топографическим описанием, вышедшим из стен Тартуского университета. Она содержит большой фактический материал об истории санитарии и гигиены в Эстонии и поэтому должна быть полностью переведена на эстонский язык и сопровождена комментариями.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ДЕТСТВЕ И СТУДЕНЧЕСКИХ

ГОДАХ К.-Э.М. БЭРА

Х.А.Мооритс (Тарту)

К.-Э.М. Бэр родился 28(17) февраля в имении Пийбе Эстляндская губерния). Отец его был человеком с широким кругозором, с уверенным и честным характером и пользовался большим уважением среди окружающих его людей. Будучи помещиком, он беспристрастно ценил деловитость и умение эстонских крестьян. Он проявлял большой интерес к садоводству и часто вместе со своей многочисленной семьей работал в саду.

Любовь к природе в молодом К.-Э.М. Бэре развивали его первые учителя Штейнгрюбер и Гланштрем, которые занимались с ним дома. Гланштрем, по образованию медик, лечил крестьян, и Бэр вместе со своим учителем часто посещал больных.

Проведенные в Таллине школьные годы (1807-1810) Бэр вспоминает как один из счастливейших периодов своей жизни.

Вместе со своими друзьями Бэр часто предпринимает далекие прогулки и приносит домой растения, насекомых, кости, окаменелости и ведет учет собранного материала.

Уступая желаниям отца, который не видел перспективы естествознания и считал занятия с ним бесполезным, Бэр отказывается от мечты стать ботаником и поступает в 1810 году на медицинский факультет Тартуского (бывшего Дерптского) университета.

Молодой Бэр приехал в Тарту (Дорпат) с большими надеждами, однако, скоро разочаровался в нем, так как жизнь в этом городе не оправдала его ожиданий. Тарту был в те годы маленький, отдаленный от центров, город. Студенты, которых в 1811 году было всего 259 человек (среди них 84 медика), считали себя господами положения как в городе, так и в его окрестностях и вели себя шумно.

Бэр выступал за организацию студентов по факультетам и был сам старостой медиков.

Зимой 1812/13 г. Бэр вместе с другими студентами направился добровольно в Ригу, чтобы бороться со вспыхнувшей в то время там эпидемией тифа.

Осенью 1813 года Бэр участвовал в мятежах, происшедших между студентами и фискалом округа Г.Петерсеном. В наказание за эти мятежи у 36 студентов, в том числе и у Бэра, было отнято право носить студенческую форму в течение I-го семестра 1813 года.

Наряду с лекциями профессора Бэр слушал с большим интересом лекции профессор Г.Ф.Паррота по физике и лекции профессора К.Ф.Ледебера по ботанике и зоологии и прошел практические занятия по садоводству в ботаническом саду университета.

Одним из стремлений Бэра в студенческие годы было познать человека и жизнь. В письме к своему школьному товарищу от 3-го января 1813 года из Риги Бэр пишет: "Не будь слишком скромен по отношению к людям ни в своей требовательности ни в доверии. Того, кто в мире притязает на немногое и, мнясь со всем, все терпеливо переносит, не окружают большим

доверием: тот, кто слишком скромно выказывает свое доверие, не завоевывает большой любви. Однако образованный человек нуждается и в том, и в другом, чтобы быть счастливым...."

В 1814 году Бэр, после успешной защиты докторской диссертации о болезнях эстонцев, покидает Эстонию.

После долгих лет пребывания на поприще славной творческой деятельности К.-Э.М. Бэр в 1867 году возвращается в Тарту, где проходят последние годы его жизни.

ТАРТУСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ К.-Э.М. БЭРА (1867-1876).

В.В.Пяртельпозг (Тарту)

Во время пребывания в Петербурге Карл-Эрнст Максимович Бэр, в соответствии с его многосторонними интересами, выполнял помимо своих прямых обязанностей в качестве заведующего отделом зоологии Петербургской Академии Наук еще обязанности библиотекаря Иностранного отделения Академической библиотеки, а с 1841 по 1852 год был включен в педагогический состав анатомии и физиологии. Выполнение одновременно столь различных занятий, к которым присоединились еще утомительные путешествия, сказалось на здоровье Бэра, и в 1863 году он решил покинуть Академию, чтобы, освободившись от занятий по должности, посвятить оставшиеся дни жизни всецело завершению начатых и задуманных работ. Свой досуг он решил провести на родине в городе Тарту. Прибыв туда в 1867 году, он нанял себе квартиру на Мельничной улице (ныне ул. Н.Н.Бурденко пр.4) в доме, построенном в 1859 году профессором философии Л.Штрюмпелем и принадлежащим в последствии Ф.Фрейману.

К сфере деятельности Бэра в эти годы относятся:

- 1) его литературная деятельность;
- 2) его связь с Тартуским обществом естествоиспытателей;
- 3) его публичные выступления вне указанного общества.

Из трудов в этот период вышли из печати: 1) "Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний", изданные по случаю 200-летнего юбилея ко дню рождения Петра I; 2) II и III томы "Рецензий и статей", 3) статья, посвященная дарвинизму, 4) ряд других работ, из которых некоторые вышли из печати посмертно.

Будучи общительным человеком Бэр стал принимать активное участие в различных обществах города Тарту. Он числился в списке почетных членов Тартуского общества естествоиспытателей уже с 1853 года, т.е. с самого начала его основания. В январе 1869 года он был избран его представителем, оставаясь им до самой своей смерти. В виду этого, что упомянутое общество было организовано как филиал Лифляндского общепольного и экономического общества, оно выполняло некоторые задания последнего, напр. составление топографических карт Прибалтики, необходимых для проведения мелиорации, за что получало ежегодную субсидию в 300 рублей

К концу 1868 года стало известно, что Тартуское общество лишается впредь указанной поддержки. Старое правление общества, не справившееся с финансовыми затруднениями, подало в отставку. Бэру стоило немало трудов, чтобы направить пришедшее в расстройство деятельность общества в нормальное русло. Одной из заслуг его является приведение в порядок библиотеки общества. Бэр всегда защищал интересы общества перед государственными и другими учреждениями. Будучи естествоиспытателем в самом широком смысле этого слова, он выступал в Тартуском обществе естествоиспытателей по самым различным темам. За 9 лет им было прочитано 14 докладов, причем два из них носили чисто практический характер ("О целесообразности руководства в частном рыболовстве", и "Об убытках, наносимых насекомыми").

Кроме публичных выступлений в обществе, он выступал также в 1868-1869 годах в актовом зале Тартуского университета с докладами на различные темы ("О Новой Земле", "О жизни Кавья", "О Гумбольде" и др.).

При Бэре большинство докладов перестало иметь отвлеченный характер и были более тесно связаны с жизнью из-за

авторитета Бэра залы заседаний были всегда переполнены, расширились его связи с другими обществами и учреждениями в пределах России и за границей. Не довольствуясь тремя предусмотренными по уставу в течение года собраниями общества, их количество было доведено до восьми, а число собраний увеличилось еще за счет так называемых "вечерних", дополнительных заседаний с более узкой тематикой.

Следует отметить, что Бэр по средам приглашал к себе гостей разных профессий, причем было принято, чтобы и здесь зачитывались короткие доклады, по которым можно было бы обменяться мнениями. Обладая критическим умом, остроумием и находчивостью, "старый Бэр" проводил беседы всегда очень занимательно.

С пребыванием Бэра в Тарту тесно связана и судьба его личной библиотеки, перевезенной им из Кенигсберга в Петербург, а от туда в Тарту. Часть ее, охватывающая область развития организмов и изобилующая уникальными произведениями, была им продана за небольшую сумму кафедре гистологии и эмбриологии Тартуского университета, учрежденной в 1876 году.

ОБ ОДНОМ НЕОПУБЛИКОВАННОМ ПИСЬМЕ К.-Э.М. БЭРА

А.В.Дирбе (Рига)

В фондах Рижского музея истории медицины им. П.Страдыня хранится собственноручное письмо академика Карла Эрнста Максимовича Бэра, относящееся к Кенигсбергскому периоду его жизни, датированное 16-м марта 1818 г. Письмо адресовано известному анатому и хирургу Иоганну Христиану Розенмюллеру в Лейпциге. Письмо проливает свет на занятия Бэра и условия работы в анатомическом театре при Кенигсбергском университете, где Бэр в то время работал прозектором.

В письме упоминаются известный анатом и физиолог проф. Карл Фридрих Бурдах и впоследствии знаменитый хирург Иоганн Фридрих Диффенбах, в то время студент медицины Кенигсбергского университета.

5 коп.